

К оценке достоверности сведений предисловия к ярлыку хана Узбека о конфессиональной политике ордынских властителей

Ю.В. Сочнев

(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)

В статье рассматриваются сведения Предисловия к ярлыку хана Узбека, находящегося в Пространной коллекции ярлыков, выданных русским митрополитам, о поездке митрополита Петра совместно с великим князем Михаилом Тверским в Орду. Проводится проверка и оценка их истинности. Автор статьи склоняется к признанию проанализированной информации как в целом достоверной, хорошо согласующейся с другими сведениями и имеющей историческое подтверждение. Сведения Предисловия отразили изменение покровительственной политики ордынских ханов по отношению к русской церкви в первой половине XIV в.

Ключевые слова: Золотая Орда, ханские ярлыки, ярлык Узбека, льготы духовенству, история церкви.

Исследователь, обратившийся к изучению конфессиональной политики золотоордынских ханов первой половины XIV в. и особенно по отношению к Руси, сталкивается с серьезными затруднениями в поисках достоверной информации. Имеющиеся в его распоряжении источники, как правило, позднего происхождения, да к тому же очень бедны соответствующими сведениями. Поэтому поиск и привлечение дополнительных исторических источников является актуальной задачей. В число основных источников давно и прочно вошли русские летописи и ярлыки монгольских ханов, выданные русским митрополитам. Именно с появлением последних актов и связан небольшой исторический текст, сведения которого мы попробуем проанализировать в данной статье. Не будем останавливаться на характеристике ярлыков как исторических источников, это неоднократно осуществлялось, лишь напомним, что существуют два собрания ярлыков. Первое является древнейшим и считается более достоверным. Это выяснил выдающийся русский историк М.Д. Приселков в своем фундаментальном труде «Ханские ярлыки русским митрополитам» [17]. Исследователь привлекал не только опубликованные ханские грамоты, но и их рукописные собрания. Сопоставив различные редакции сборников ярлыков, он пришел к выводу о существовании Краткой и Пространной коллекции, последняя оказалась позднейшей и была создана на основе Краткой.

Первоначально тексты ярлыков хранились в митрополичьем архиве. В конце XIV – начале XV в. был сделан перевод шести ярлыков на русский язык. Эти переводы пяти иммунитетных и одной проезжей грамоты, выданных от имени ханов Менгу Темира, Бердибека, Тюляка и ханши Тайдулы, составили так называемое Краткое собрание ярлыков. В начале или середине XVI в. возникло Пространное собрание ярлыков, включающее интерпретированные прежние шесть ярлыков, а также ярлык хана Узбека митрополиту Петру. К последнему акту было написано

отдельное Предисловие, в некоторых сборниках помещенное перед всем собранием ярлыков. Пространное собрание было издано в составе фундаментального исследования М.Д. Приселкова [17, с. 42-45]. Ярлык митрополиту Петру от хана Узбека, встречающийся только в составе Пространной коллекции, по мнению М.Д. Приселкова, был написан на основе переделки ярлыка хана Менгу-Темира. С этими выводами согласился и П.П. Соколов, посвятивший изучению данного документа отдельную статью [27, с. 70-85].

Как считают историки, для обеспечения достоверности сконструированного акта составитель Пространной коллекции ярлыков русским митрополитам предпослал ярлыку Узбека Предисловие, информирующее о поездке митрополита Петра в Орду. Приведем этот текст: «В лето 6821 поиде в Орду Петр митрополит Киевский и всея Руси вкупе с великим князем Михаилом Ярославичем Тверским обиды ради церковных от лукавых человек судов и управлении и пошлин и уроков и даней и имений и стежаний людей всего притча церковнаго и о всех десятинах митрополичьих да и того ради чтобы наперед быти у царя немецких послов и бискупа Матвея папы Римскаго да и того ради понеже тогда во Орде Тогда (Тохта. – Ю.С.) царь умер, а новый царь Азбьяк сел на царство и вся обновися от многих царств и от многих стран вси приходили в Орду к царем и ярлыки имали каждо на свое имя. Но милостию Божиею Петр митрополит в Орде у царя был в велицей чести и отпущен был от царя вборзе со мною честию и управою и с ярлыки и з дефтери и прииде в свою митрополю на Русь и вси православнии христиане сретоша его со мною радостию» [17, с. 43-44]. (В варианте, используемом А.А. Шахматовым, имелись небольшие разночтения с приведенным текстом – в части, указывающей на изменения после воцарения Узбека, добавлено «и от многих княжений», «и вси великие князи российские» [36, с. 5]).

Данный исторический текст содержит интересную информацию по истории русской церкви начала XIV в. и истории конфессиональной политики ордынских властей, причем в более широком и конкретизированном варианте, нежели другие источники. Однако возможность использования этой информации в исторических построениях, согласно традиционным и общепризнанным теоретико-методологическим требованиям к историческому исследованию, должна быть проверена и обоснована. Настороженность и скептицизм в отношении вышеуказанных сведений небезосновательны, принимая во внимание специфику и время происхождения анализируемого Предисловия.

Сомнения еще более усиливаются при сравнении Предисловия с сообщением под 1313 г. поздней Никоновской летописи, созданной, как известно, в XVI в.: «Того же лета князь великий Михайло Ярославич Тверский поиде во Орду, также и Петр, митрополит Киевский и всея Руси, вкупе с ним поиде во Орду того ради, понеже тогда во Орде Тахъта царь умре, а новый царь Азбьяк сел на царстве и вся обновися, и вси прихожаху во Орду и ярлыки имаху, койждо на свое имя, и князи и епископи; но милостию Божиею Петр митрополит во Орде у царя бысть в чести велице, и отпущен бысть от царя со мною честию вборзе, и прииде на Русь» [19, с. 178].

Наиболее полно эти настроения выразил П.П. Соколов в статье «Подложный ярлык хана Узбека митрополиту Петру». Автор доказывает подложный характер ханского акта, выданного митрополиту Петру и размещенного в Пространной коллекции ярлыков, но вместе с тем недостоверным считает сообщение Предисловия к нему. Тезисно суть его возражений против использования упомянутых материалов сводится к следующему.

1) Предисловие Пространной коллекции ярлыков послужило источником для Никоновской летописи в сообщении под 1313 г.

2) Подтверждений другими источниками сообщенного в Предисловии нет, кроме Воскресенской летописи. В ней говорится: «В лето 6821 Князь великий Михайло поиде в Орду, также и Петр митрополит поиде с ним же вкупе к новому царю Озбьяку, а Тохта царь умре. Милостию Божиею Петр митрополит отпущен бысть на Русь вборзе» [23, с. 186].

3) Летопись Воскресенская не говорит о великой чести митрополиту Петру, да ее и быть не могло, поскольку хан Узбек был фанатик-мусульманин.

4) Исходя из видимой взаимосвязи анализируемых сведений с сообщением Никоновской летописи и полемизируя с распространенными в историографии того времени выводами, П. П. Соколов полагал, что автор Предисловия неверно отождествил епископские ярлыки с княжескими, считая те и другие инвеститурными. «Если бы это было так, то он был бы прав в своей догадке, что и для всех епископов поездки в Орду были так же необходимы, как и для князей» [27, с. 84].

5) Упоминания о ярлыках отдельным епископам в летописях являются величайшей редкостью, и нельзя приписывать такую бедность упоминаний только недостатку известий. Характер ярлыков исключительно тарханный.

6) В заключение П.П. Соколов делает вывод: «Все это доказывает, что показания Предисловия о характере ярлыков и об обязательной поездке за ними епископов обладают столь же малой исторической ценностью, как и прочие его показания. Между тем Никоновская летопись пользуется ими, только исправляя согласно Воскресенской летописи явно нелепые указания на время поездки митрополита Петра в Орду и имя предшественника Узбека (имеется ввиду ошибка в том списке, которым пользовался П.П. Соколов, – назван Батый вместо Токты – Ю.С.). Ту же ошибку повторяет летопись Никоновская под 6850 г. (1342 г., сообщение о поездке митрополита Феогноста к Джанибеку – Ю.С.). ...Только из предисловия к собранию ярлыков второй редакции составитель Никоновской летописи и мог почерпнуть совершенно неправильные сведения о выдаче ярлыков каждым ханом и всем епископам и об инвеститурном характере этих ярлыков, что было тесно связано одно с другим» [27, с. 84-85].

А теперь попробуем разобраться, как согласуются сведения, извлекаемые из рассматриваемого Предисловия, с другими источниками и с историческими реалиями того времени, уделяя внимание и возражениям П.П. Соколова. В данной статье не будут рассматриваться сведения о получении епископами ярлыков от ханов, поскольку в разбираемом тексте они отсутствуют.

Предисловие к ярлыку хана Узбека, выданному якобы митрополиту Петру, входящее в состав Пространной коллекции ярлыков, по мнению исследователей, было написано в первой половине XVI в. с определенной целью – автор пытался доказать достоверность подложного акта, для составления которого пользовался как основой ярлыком Менгу Темира. Едва ли Предисловие было просто произвольно сочинено составителем Пространной коллекции. Ни на чем не основанное сообщение противоречило бы главной цели – доказать достоверность следующего за Предисловием документа.

Внимательное изучение Предисловия приводит к выводу о его летописной первооснове. Известия о поездке великого князя Михаила Тверского совместно с митрополитом Петром в Орду, в связи со сменой ханов, приводимые во многих летописях под 1313 г., встречаются в Троицкой, Симеоновской, Воскресенской летописях и других основанных на них более поздних летописях.

Наиболее интересными являются сообщения сводов, хронологически максимально приближенных к указанному времени. Таковой является Троицкая летопись, написанная в начале XV в. Сообщения в ней и в связанной с ней Симеоновской летописью о поездке митрополита Петра в 1313 г. совпадают: «В лето 6821 князь великий Михаил поиде въ Орду, также и Петръ, митрополитъ всея Руси, духовный пастухъ, вкупе съ княземъ съ великимъ поиде въ Орду того деля, понеже тогда Тохта царь умре, а новый царь Озбьякъ сель на царстве и обесерменился; но милостию Божию вборзе отпушенъ бысть Петръ митрополитъ отъ царя изъ Орды и прииде на Русь» [16, с. 354; 20, с. 87-88]. Сравнение этого известия с сообщением Владимирского летописца, восходящего к протографу Троицкой летописи [9, с. 27], позволяет, по всей вероятности, определить наиболее ранний вариант летописной записи о рассматриваемых событиях 1313 г.: «В лето 6821. Князь великий Михаил Тферский иде в Орду. Тако же Петръ митрополит съ князем великимъ иде в Орду того деля, понеже царь Токта умре, а Озбьякъ царь сель на царстве, и

отпущен в борзе и прииде на Русь» [22, с. 102]. Отметим, что сообщение Воскресенской летописи, используемое в своей статье П.П. Соколовым, оказывается практически тождественным сообщению Владимирского летописца.

Выводы и результаты исследований летописей у разных авторов порой весьма различны, если не противоположны, но опираясь, например, на концепцию М.Д. Приселкова [15, с. 179-187], можно представить определенную эволюцию рассматриваемого летописного сообщения. Первоначальная запись о поездке князя Михаила и митрополита Петра в Орду появилась в тверском великокняжеском своде 1327 г., затем эта летопись стала источником для сменяющих друг друга московских сводов, где подверглась промосковской переработке и дополнению московскими источниками. Центром или одним из центров этой работы была митрополичья кафедра, результатом деятельности которой явился дошедший до нас Троицкий свод, доведенный до 1408 г. и созданный в начале XV в. при непосредственном участии митрополита Киприана.

Исходя из этого, можно отметить некоторые дополнения, внесенные московскими редакторами в более раннее летописное сообщение о поездке князя Михаила и митрополита Петра в Орду, в смысловом плане подчеркивающие влияние и общественно-политическую значимость главы церкви. Митрополит Петр дополнительно характеризуется как «духовный пастух», а его быстрое возвращение из Орды объясняется «милостию Божиею». Новой исторической информации эти дополнения не несут, а вот добавление к воцарению Узбека – «обесерменился», безусловно, акцентирует внимание на новизне религиозной ситуации в Орде. Но это уточнение, как известно, соответствовало историческим реалиям развития конфессиональных отношений в этом степном государстве.

Даже с отмеченными нами дополнениями раннее летописное сообщение о совместной поездке князя Михаила и митрополита Петра в Орду в 1313 г. не очень подробно раскрывает ее содержание. Однако эта информация ценна тем, что отражает начинающиеся процессы трансформации прежних правовых и организационно-управленческих отношений к конфессиям, существовавшим в пределах Золотой Орды, и в частности к русской церкви. Это известие выделяется на фоне почти полного отсутствия в летописях сведений о поездках к ханам русских митрополитов, несмотря на предшествующие десятилетия существования ордынского властвования. Обращает на себя внимание то, что причина поездки митрополита Петра была связана со сменой правителей в столице Золотой Орды, и едет глава церкви к воцарившемуся хану Узбеку вместе с недружественно настроенным к нему великим князем Михаилом Тверским, формально представлявшим верховную власть в Северо-Восточной Руси. Сообщение о поездке главы церкви к взошедшему на престол новому ордынскому правителю читается впервые. Подобные визиты были обязательны для князей, что напрямую следует из летописных известий в предшествующий период. Анализируемая историческая информация, несмотря на свою краткость, в значительной степени отражает властно-публичный характер взаимоотношений участников описываемого события и пусть косвенно, но указывает на высший суверенитет ордынского правителя не только по отношению к великому князю, но и по отношению к главе русской церкви – митрополиту.

Вернемся к Предисловию ярлыка хана Узбека. Опираясь на летописное сообщение о поездке князя Михаила и митрополита Петра в Орду в 1313 г., автор Предисловия изложил рассматриваемое событие гораздо более детально и шире. Что же дополнительно обнаруживается в Предисловии в сравнении с летописями? Перечислим эти добавления.

1) Причины поездки изложены гораздо подробнее: «обида ради церковных от лукавых человек судов и управлению и пошлин и уроков и даней и имений и стежаний людей всего притча церковнаго и о всех десятинах митрополичьих».

2) В качестве еще одной самостоятельной причины отмечено: «да и того ради чтобы наперед быти у царя немецких послов и бискупа Матвея папы Римскаго».

3) Подробнее охарактеризовано изменение ситуации в Орде в связи с воцарением Узбека, являвшееся также причиной поездки: «и вся обновилася от многих царств и от многих стран вси приходили в Орду к царем и ярлыки имали каждо на свое имя».

4) Более детально описано присутствие главы церкви при дворе хана: «Петр митрополит в Орде у царя был в велицей чести» – и его возвращение из Орды: «отпущен был от царя вборзе со мною честию и управою и с ярлыки и з дефтери».

Как объясняются все эти дополнения?

Во-первых, здесь мы считаем уместным еще раз повторить то, что было сказано ранее. Маловероятно, что Предисловие было просто сочинено составителем Пространной коллекции ярлыков, ни на чем не основанное сообщение противоречило бы главной цели – доказать достоверность следующего за Предисловием документа. Его автор или распространил летописные сведения, дополнив их материалами из других источников, или заимствовал все Предисловие уже в целостном виде.

Во-вторых, следует иметь в виду, что Пространная коллекция создавалась в среде близкой к митрополичьей канцелярии, если не непосредственно в ней, а ее автор имел доступ в богатый митрополичий архив. Как представляется, ее создание могло иметь определенную общность с созданием Никоновской летописи, которая также формировалась в течение XVI в. в канцелярии митрополита. Богатство источников, в том числе и не сохранившихся до нашего времени, а также наличие уникальных известий этого летописного свода неоднократно отмечалось исследователями [7, с. 183; 10, с. 140-147].

Почему можно говорить о каких-то еще источниках кроме летописей? В первую очередь обращает на себя внимание известие о католических посланцах и епископе Матвее – посланнике папы Римского, направлявшихся к Узбеку, которых стремился опередить митрополит Петр (см. п.2). Историк П.П. Соколов считал это известие неподтвержденным другими источниками и, следовательно, недостоверным. Более осторожен был М.Д. Приселков и оговаривался, что ему не известно, откуда взяты эти сведения составителем Пространной коллекции [27, с. 83-84; 17, с. 44]. А между тем, они заслуживают больше внимания, если учесть развернувшееся католическое проникновение во владения Золотой Орды в XIV в. На это обратил внимание еще Е.Е. Голубинский, но не обосновал подробно свои наблюдения [3, с. 123]. Проникновение католических миссионеров на Восток шло параллельно с торговой деятельностью генуэзцев и венецианцев при полной взаимной поддержке. Главным центром торговли генуэзцев в подвластных сарайским ханам землях была Каффа. Этот же город являлся и главной базой католических миссионеров. Расцвет генуэзской торговли и влияния генуэзцев в Золотой Орде пришелся на правление Узбека, естественно, и позиции католической церкви в это время значительно усилились. А вот с предшественником Узбека, ханом Токтой, генуэзцы не ладили. В 1308 г. Каффа была взята и разрушена войсками сарайского хана [34, с. 613]. Но поскольку генуэзцы ушли на кораблях в море и избежали расправы, было захвачено имущество генуэзских купцов в Сарае и других местах [32, с.120]. В дальнейшем отношения генуэзцев с центральными золотоордынскими властями были напряженными. Об этом свидетельствует захват и попытка продать в рабство генуэзцами послов Токты и египетского султана, направлявшихся в Египет в 1311 г. [32, с. 166,197]. После смерти Токты и воцарения Узбека открылась перспектива восстановления нормальных отношений генуэзских торговцев и монгольских властей. Каффа к этому времени окончательно перешла под контроль Генуи [34, с. 81], которая и начала переговоры с Узбеком о восстановлении разрушенного города [5, с. 75, 119]. Вместе с купцами налаживанием отношений, вероятно, активно занялась католическая церковь. Узбек благосклонно отнесся к представителям Запада и, видя немалую выгоду от покровительства торговле, разрешил восстановить город Каффу, а также не препятствовал развертыванию католической пропаганды. На время Узбека как раз и приходится расцвет миссионерской деятельности католических орденов – францисканцев и доминиканцев, что не могло не беспокоить руководство византийской и русской церковью. Поэтому сообщение о поездке Петра с

целью опередить появление в Сарае католических послов представляется отражением вполне реального события, заимствованного, по всей видимости, из недошедших до нас документов митрополичьего архива. В нем могли находиться документы и записи Сарайской кафедры, которая ко времени создания Предисловия давно уже размешалась в Москве.

Добавления, объясняющие причины поездки митрополита Петра в Орду делами церковными (см. п.1), возникшими «обиды ради церковных от лукавых человек», являются результатом интерпретации летописного сюжета автором Предисловия. Они могли появиться в тексте в связи с содержанием приводимых далее ярлыков, касающихся как раз всех этих вопросов церковной жизни и управления в условиях ордынского господства. Но, признавая факт этого расширительного изложения анализируемого исторического сюжета, следует отметить, что вновь вводимые в текст сведения не являются ложными или не соответствующими историческим реалиям. Автор XVI века, будучи близок к митрополичьей канцелярии, по всей видимости, неплохо ориентировался в правилах церковной жизни и специфике управления в русской митрополии, а основы и принципы этого управления не слишком изменились с XIV в. к моменту создания Предисловия. В его распоряжении были и одни из ключевых источников – ярлыки ханов, выданные русским митрополитам, на основе которых и выясняются многие принципиальные вопросы положения церкви и ее управления в прошлом.

Возможно и другое объяснение рассматриваемого добавочного материала. Оно связано с той острой и напряженной борьбой, которая развернулась между великим князем Михаилом Тверским и митрополитом Петром после его прибытия на Русь из Константинополя. Михаил Ярославович Тверской, пользуясь своими великокняжескими прерогативами, отправил в Константинополь после смерти митрополита Максима своего кандидата на кафедру – игумена Геронтия [3, с. 100; 18, с. 207-208]. Однако константинопольский патриарх предпочел кандидата, отправленного князем Юрим Львовичем Галицким, – игумена Петра. Не будем останавливаться на всех подробностях этих событий, которые хорошо описаны в исторической литературе [3, с. 99-105; 6, с. 298-299]. Для нас важно, что Петр, поставленный митрополитом всея Руси, не мог рассчитывать на радушную встречу в Северо-Восточной Руси со стороны великого князя Михаила Ярославовича.

В 1309 г. новый митрополит прибыл во Владимир из Киева [19, с. 177; 20, с. 87]. Вскоре после его приезда в Северо-Восточную Русь тверским епископом Андреем на него были возведены обвинения и предпринята попытка лишить его кафедры. Андреем было отправлено к патриарху послание против митрополита. В конце 1310 или 1311 г. состоялся собор в Переяславле-Залесском под председательством патриаршего апоприкарсия для разбора обвинений, где присутствовали епископы, духовенство, монахи, бояре и князья. Петр опроверг все обвинения и выиграл дело. Этому в немалой степени способствовали его сторонники – московские князья, особенно Иван Данилович, княживший в Переяславле, где и проходил собор [3, с. 107]. Логика развития событий с неизбежностью подталкивала митрополита Петра к союзу с противниками Михаила Тверского. В 1313 г. митрополит Петр вместе с великим князем отправляется к новому хану Узбеку. Отношения Петра и Михаила Ярославовича не улучшились. В это время или после поездки (в 1312–1315 гг.) великим князем было отправлено второе посольство к патриарху Нифонту с жалобами на Петра [3, с. 112; 25, Стб.147-160]. Как полагал П.П. Соколов, конфликт разгорелся из-за очередной попытки Петра осуществить в Твери права митрополичьей юрисдикции, что не устраивало епископа Андрея [28, с. 234]. Поэтому в Предисловии к Пространной коллекции ярлыков и отразился этот конфликт митрополита и великого князя. В том, что автор исследуемого текста мог быть хорошо знаком с историей управления митрополитом Петром русской церковью, сомневаться не приходится, учитывая статус Петра как первого московского святого. На это же указывают также хорошо известные процессы в русской культурной и общественно-политической жизни первой половины XVI в., связанные с канонизацией русских святых и созданием Четых-миней, этой своеобразной средневековой энциклопедии русской культуры и образованности. Понятно, что и в этом случае автор Предисловия к ярлыку хана Узбека нимало не погрешил против истины.

В связи с изложенным привлекает внимание и следующая фраза в Предисловии, раскрывающая события в Орде после перехода власти к Узбеку: «и вся обновилась от многих царств, и от многих великих княжений и от многих стран вси приходили в Орду к царем и ярлыки имали каждо на свое имя...» (см. п.3). Как мы знаем, генуэзские и католические послы поспешили к новому хану, а тем более это было обязательно для вассально-зависимых от Золотой Орды правителей разных стран. Такова была практика государственного управления, берущая свое начало еще во времена основания монгольской империи. Примеры подобного рода многочисленны. Достаточно напомнить о возведении на престол Гуюка, подробно описанном П. Карпини, где он встретил великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича [27, с. 76-77]. Присутствие вассально-зависимых правителей на церемонии возведения нового хана на престол и следующее за этим подтверждение им прежних пожалований и ярлыков было обязательной частью этой важнейшей политико-правовой процедуры. Эти традиционные для монгольской, а затем и ордынской государственности публично-правовые нормы, облеченные в форму правового обычая, продолжали действовать и после хана Узбека. Во всяком случае, прибытие ко двору его преемника Джанибека представителей стран Рума, Сирии, Джебзир, Диярбека, Фарса и Ирака отмечается в «Анониме Искандера» [33, с. 128]. Не могла не затронуть эта практика и русских князей, прежде всего великого князя, коим являлся в момент воцарения Узбека Михаил Ярославич Тверской. Но впервые в источниках так определенно отразилась обязанность и главы русской церкви совершать подобные поездки. Получение великим князем и другими старшими князьями ярлыков от хана Узбека не вызывает у исследователей сомнений. То же можно сказать и в отношении получения ярлыка митрополитом Петром, который, к сожалению, до нас не дошел. Но вот характер этих документов и содержание отношений, которые они юридически оформляли, по сравнению с предыдущим периодом, по всей видимости, изменились.

Ко времени Узбека в Золотой Орде сложилась стройная система управления не только кочевым, но и оседлым населением. Эта система имела принципиальное сходство с управлением в государстве иранских монголов [32, с. 229; 35, с. 107-108]. В связи с этим интересно обратить внимание на то, что в Иране еще в конце XIII в. хан утверждал нового главу несторианской церкви. Объяснение данного факта напрямую связано с процессом приближения монгольской кочевой аристократии к управлению оседлым земледельческим и городским населением, являвшимся одной из основ развития государственности самостоятельных монгольских улусов в XIV в. Подробно утверждение багдадского католикоса ханом Абагой в 1281 г. описано в «Истории мар Ябаллахи III и раббан Саумы». Избранный в этом году священниками несторианской церкви мар Ябаллаха отправился на утверждение к хану, только после согласия которого могло состояться посвящение нового кандидата в католикосы. «Он (Абага) покрыл его голову плащом, ибо его плащ был наброшен на его плечи, дал ему свое седалище, которое было небольшим тронem. Он дал ему также зонтик. Он дал ему золотую пайдзу, которая являлась символом у этих царей, и обычные приказы (грамоты), что он властвует над всем, также большую печать, которая принадлежала предшествующим патриархам. Он подарил ему денег на большие расходы, обязательные при посвящении» [14, с. 75]. Подобным образом действовал и преемник Абаги – Аргун. В «Истории Орбелианов» сообщается, что в 1288 г. он дал ярлык Стефану митрополиту Сюнийскому, «в котором утвердил за ним власть над всеми церквами, церковными владениями и епископами, дал ему от своего двора проводника, и пожаловал пайдзу...» [13, с. 64].

Смысл этих сообщений однозначен и очевиден – монгольский властитель юридически утверждал главу церкви, выступая как высший суверен, и характер данных им ярлыков явно инвеститурный. Разумеется, нельзя проводить полной аналогии между Ираном и Золотой Ордой, ситуация в этих государствах не была абсолютно тождественной, но существовала и общность исторического и политического развития, определявшая сходство в структуре и функционировании аппарата управления.

В первой половине XIV в. реформистские тенденции в государственном развитии Золотой Орды, направленные на усиление и централизацию верховной власти, а также утверждение ислама в качестве государственной религии, сказались на порядке получения ханских ярлыков русским и другим духовенством. Восточно-деспотическая модель верховной власти, по которой

развивалась государственность Золотой Орды, предполагала установление более выраженных форм контроля и над конфессиональными структурами. Эта политическая тенденция затронула и русскую церковь, являвшуюся крупнейшей религиозной организацией, функционировавшей на территории, контролируемой ордынскими властями. Подтверждение есть в ярлыках, полученных русскими митрополитами от ордынских ханов в XIV в. На их инвеститурный характер указывает фраза, присутствующая во всех ярлыках этого времени: «И как в Володимери сед богу молиться за ... (следуют имена ханов дававших ярлык)» [12, с. 465, 468, 469]. На наш взгляд, эта фраза отражает наметившееся изменение характера ярлыков, поскольку именно опора на суверенные права хана подразумевается в качестве одной из легитимных основ для утверждения митрополита во Владимире. Восходит это ко времени ярлыка Тохты митрополиту Петру, выданного, по мнению авторитетнейшего исследователя ярлыков М.Д. Приселкова, в 1308 г. [17, с. 68-69].

Показателен в этом плане и еще один пример, правда, касающийся не русской, но также православной церкви. В середине пятидесятых годов XIV в. глава аланской церкви, вступив в конфликт с Константинопольским патриархом, отправился в Сарай к хану и взял у него ярлык, делая себя независимым от Восточной церкви. В данном случае хан предстает как верховный правитель даже и для иноверной церкви. С канонической точки зрения, действия митрополита аланийского были неправомерны, и он был низложен в 1356 г. [4, с. 450-455; 31, с. 175-180].

Процессы централизации и усиления ханской власти в Золотой Орде в первой половине XIV в. не могли не затронуть конфессиональную сферу и привели к коррективам в религиозной политике сарайской администрации. Автор Предисловия к ярлыку хана Узбека в целом правильно отразил общую историческую тенденцию.

В приведенном выше сообщении Предисловия и схожем с ним известии Никоновской летописи говорится о чести, оказанной митрополиту Петру при дворе Узбека (см. п.4). Эти сведения также отсутствуют в раннем летописном сообщении по рассматриваемому сюжету. По мнению П.П. Соколова, ссылавшегося на Воскресенскую летопись, эта информация недостоверна. Его сомнения основаны еще и на том, что Узбек был фанатик-мусульманин. Как было показано, сообщение Воскресенской летописи действительно отражает ранний вариант летописного рассказа о совместной поездке Михаила Тверского и митрополита Петра в Орду. В этом варианте летописного сообщения нет упоминания о чести, оказанной митрополиту Петру при дворе Узбека. Но это отнюдь не свидетельствует в пользу категорических оценок П.П. Соколова. Присутствующее в раннем летописном сообщении указание на быстрое возвращение митрополита из Орды, в отличие от великого князя, может рассматриваться как косвенное подтверждение более радужного приема, оказанного ему.

Следует отметить, что не только историки начала XX в., но и многие современные исследователи, а тем более популяризаторы-публицисты, преувеличивают религиозную нетерпимость ханов-мусульман. Это объясняется, по-видимому, слабой информированностью о действительном состоянии религиозных отношений в Золотой Орде. Исследователи, занимавшиеся изучением истории развития конфессиональных отношений в Золотой Орде, достаточно единодушно приходят к выводам, что Узбек не был религиозным фанатиком, несмотря на принятие в результате его усилий в Золотой Орде ислама в качестве государственной религии. Доводилось об этом писать и автору данной статьи [29; 30].

О религиозной политике и складывавшейся ситуации во время правления Узбека есть и прямые свидетельства. Католический монах-миссионер Иоганка писал в 1320 г. генералу своего ордена из золотоордынского кочевья: «Ведь татары военной мощью подчинили себе различные племена из народов христианских, но позволяют им по-прежнему сохранять свой закон и веру, не заботясь или мало заботясь о том, кто какой веры держится, – с тем, чтобы в мирской службе, в уплате податей и сборов и в военных походах они (подданные) делали для господ своих то, что обязаны по изданному закону» [1, с. 91].

Из вышесказанного можно заключить, применительно к рассмотрению поездки митрополита Петра в Орду ко двору хана Узбека, что никаких особых притеснений он там из-за принадлежности к православию не испытывал и, как глава крупнейшей религиозной организации, обладающей большим влиянием и авторитетом, вполне мог находиться, по выражению летописца, «в чести» у

хана. Реальное положение при дворе хана в большой степени зависело от выплат, размера подношений и политической ориентации, чем от религиозной принадлежности. А, как выше уже отмечалось, союзниками митрополита Петра были московские князья, родственные и политические связи которых в Орде широко известны.

Одна из главных задач нового централизованного административного аппарата, созданного в Золотой Орде к моменту воцарения Узбека, состояла в сборе многочисленных податей и контроле за отбыванием повинностей. В целях расширения поступлений доходов ханская власть была заинтересована в увеличении количества налогообязанного населения. В этих условиях, вероятнее всего, происходит пересмотр налоговых льгот, ранее предоставленных духовным лицам и организациям. В частности, это приводило к попыткам возложить на русскую церковь определенные финансовые обязательства. В Предисловии к Пространной коллекции ярлыков есть интереснейшая информация. При сообщении о возвращении митрополита от хана Узбека на Русь отмечается, что он был «отпущен был от царя вборзе со мною честию и управою и с ярлыки и з дефтери».

Получение ярлыка митрополитом Петром от нового правителя Золотой Орды, как выше было выяснено, особенно не подвергается сомнению. Это в целом следует и из анализа соответствующих летописных сообщений, осуществляемых в контексте исторической динамики русско-ордынских конфессиональных взаимоотношений. Из рассматриваемого Предисловия следует, что митрополит Петр получил от Узбека наряду с ярлыком и «дефтерь», т.е. налоговую грамоту или податной список [26, с. 240; 2, с. 561]. Что вполне вероятно, поскольку ярлык, будучи официальным государственным актом, юридически фиксировал возникающие или продолжающиеся отношения соподчиненности политических субъектов. Важнейшей составляющей этих отношений было право доминирующего субъекта реализовывать свои преимущества в материальный доход, что в публично-правовом варианте осуществлялось через взимание налогов. Поэтому корреспондируемым ярлыку актом являлся «дефтер» или «дафтар», четко фиксирующий количество и объем налоговых, а также податных обязательств подчиненного субъекта. Данный термин восходит к персидской традиции, т.е. в тюркские языки попал из персидского. На наш взгляд, это хорошо согласуется с вышеотмеченным обстоятельством, что в Золотой Орде в XIV в. начинает формироваться административная система, имеющая аналог в Хулагуидском Иране.

Получение митрополитом Петром «дафтара», т.е. податного реестра, вполне соответствует тому статусу, который был распространен на него, а, возможно, и на других представителей духовенства, наряду с русскими светскими властями. Иллюстрирует эти отношения пример из истории княжения Василия Темного. Когда в 1432 г. возник спор о великом княжении между Василием Васильевичем и Юрием Дмитриевичем, стороны решили передать его на разрешение хану и отправились в Орду. По сообщению великокняжеского летописца, Василий II добивался престола «по отечеству и по дедству» и по «цареву жалованию» и царевым (ханским) «девторем и ярлыком», а Юрий – «летописцы старыми списки и духовною отца своего великого князя Дмитрия» [21, с. 249]. Неразрывная связь ярлыка и налогового реестра, в совокупности юридически закрепляющая содержание «царева жалования», здесь прекрасно видна.

Оценивая рассмотренные сведения, следует учесть еще один нюанс. Составитель Пространной коллекции написал Предисловие и сконструировал ярлык Узбека с целью обосновать привилегии и льготы церкви, якобы дарованные ей монгольскими ханами. Но упоминание «дафтара» противоречит этому. По всей вероятности, значение документа не было до конца понятно автору, и он отметил его в тексте по инерции, не уяснив его для себя. На это предположение наталкивает упоминание о дефтерах в описи царского архива 1575–1584 гг.: «А в нем (ящике) дефтери старые от Батыея и от иных царей, переводу им нет, никто перевести не умеет» [11, с. 32]. Судя по этому отрывку описи, в XVI в. перевести дефтери не могли, а, следовательно, и судить до конца, что это за документы. Предисловие к Пространной коллекции ярлыков, как мы уже отмечали, составлено также в XVI в. Его автор, вероятно, рассматривал «дефтер» как подобие жалованной грамоты, поэтому включил упоминание о ней в Предисловие и ярлык Узбека митрополиту Петру.

Рассмотренные сведения, по нашему мнению, дают основания для вывода о распространении ханской администрацией некоторых налоговых обязательств и на главу русской церкви в начале XIV в. Произошло это при митрополите Петре. Дополнительно отметим, что способствовать этому могла также борьба неугодного главы церкви с великим князем Михаилом Ярославовичем Тверским. Автор Предисловия, говоря о причинах поездки Петра, отмечает и следующее: «обид ради церковных, пошлин, и оуроков, и даней, имений, и стяжаний, людей и всего причта церковного: и во всех десятинах его митрополиях» [36, с. 5]. А вернулся митрополит с «управою», что означает – с разбором какого-то дела [8, с. 375]. Глава духовного ведомства, возможно, апеллировал к хану в поиске поддержки и защиты от княжеских посягательств. А за использование авторитета верховной ордынской власти вынужден был поступиться частью прежних привилегий и принять фискальные требования ханской администрации.

Итак, суммируя наши наблюдения, выскажемся в пользу сообщений Предисловия к ярлыку Узбека, являющегося частью Пространной коллекции ханских ярлыков, выданных русским митрополитам. Информация, читаемая в них, хорошо согласуется с другими историческими сведениями и имеет историческое подтверждение. На наш взгляд, проанализированные известия заслуживают оценки как достаточно достоверные, и не прав был П.П. Соколов, категорично утверждая, что они не имеют исторической ценности. Скорее всего, автор Предисловия заимствовал сведения из не дошедших до нас источников. Это, кстати, допускал известный историк, исследователь ярлыков и русских летописей М.Д. Приселков [17, с. 43].

Список литературы

1. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1940. С. 71-94.
2. Будагов А.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. СПб., 1869. 810 с.
3. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 2. Период второй, московский от нашествия монголов до митр. Макария включительно. Первая пол. тома. М., 1904. Репринт. М., 1997. 919 с.
4. Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. Одесса, 1867. С. 445-447.
5. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. № 3. М., 1938. С. 72-138.
6. Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М., 1991. 764 с.
7. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XI–VI вв. М.: Наука, 1980. 312 с.
8. Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.-Л., 1937. 487 с.
9. Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв. М., 1983. 296 с.
10. Муравьева Л.Л. Об «избытке» известий Никоновской летописи (конец XIII – начало XV в.) // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 140-147.
11. Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. 151 с.
12. Памятники русского права. Вып. 3. М., 1955. 528 с.
13. Патканов К.П. История монголов по армянским источникам. Вып. 1. СПб., 1873. 260 с.
14. Пигулевская Н.В. История мар Ябаллахи III и раббан Саумы. М.: Изд. АН СССР, 1958. 162 с.
15. Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. 326 с.
16. Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. СПб., 2002. 514 с.
17. Приселков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. 124 с.
18. Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. 238 с.
19. ПСРЛ. Т. 10. Патриаршья или Никоновская летопись. М., 1965. 248 с.
20. ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913. 320 с.
21. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.:Л., 1949. 464 с.
22. ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. М., 1965. 240 с.
23. ПСРЛ. Т.7. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. 345 с.
24. Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. 270 с.
25. Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч.1. СПб., 1908. 1316 с.
26. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. (Г-Д). М.: Наука, 1977. 403 с.

27. Соколов П.П. Подложный ярлык хана Узбека митрополиту Петру // Русский исторический журнал. Кн. 5. 1918. С. 70-85.
28. Соколов П.П. Русский архиерей из Византии и право его назначения. Киев, 1913. 577 с.
29. Сочнев Ю.В. К вопросу о религиозной принадлежности хана Узбека до восхождения на Сарайский престол // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. XV чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского, 25-26 февраля 2007 г. Н. Новгород, НГПУ, 2007.
30. Сочнев Ю. В. Православие как фактор развития религиозной ситуации в Золотой Орде // *Textum Historiae: Исследования по теоретическим и эмпирическим проблемам Всеобщей истории*. Вып. 3. Н. Новгород, НГПУ, 2008. С. 169-178.
31. Сочнев Ю.В. Сведения актов Константинопольского патриархата о христианском (православном) населении на Дону в сер. XIV в. (русский) // Золотоордынское наследие. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова г. Казань, 29-30 марта 2011 г. Казань, 2011. С. 175–180.
32. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. 584 с.
33. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1941. 308 с.
34. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 795–843.
35. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд. МГУ, 1973. 180 с.
36. Шахматов А.А. О так называемой Ростовской летописи. М.: ОИДР, 1904. 171 с.

Сведения об авторе: Сочнев Юрий Вячеславович – Нижегородский филиал Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ – Нижний Новгород) – кафедра теории и истории права и государства, доцент, кандидат исторических наук (Нижний Новгород, Российская Федерация); sochnevjobmail@yandex.ru

Regarding the Evaluation of Reliability of the Information on the Golden Horde Rulers' Confessional Policy containing in the Foreword to the Uzbek Khan's Yarlyk

Yu. V. Sochnev

(National Research University Higher School of Economics)

The article discusses the details of the foreword to the yarlyk of Uzbek Khan located in the Expanded collection of labels issued by the Russian metropolitans about the trip to the Horde of Metropolitan Peter together with the Grand Duke Mikhail of Tver. The article contains review and assessment of their validity. The author is inclined to recognize the analyzed information as both generally reliable and well consistent with other information and historic confirmation. The details of the Foreword reflected the change in protectionist policies of the Horde Khans towards Russian Church in the first half of the 14th century.

Keywords: Golden Horde, Khans' yarlyks, Uzbek Khan's Yarlyk, privileges of the clergy, History of the Church.

References

1. Anninskiy S.A. Izvestiya vengerskikh missionerov XIII–XIV vv. o tatarakh i Vostochnoy Evrope [Hungarian Missionary Reports of the 13th-14th centuries on the Tatars and Eastern Europe] *Is-toricheskiy arkhiv* [Historical Archive]. Vol. 3. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1940, pp. 71-94.
2. Budagov A.Z. *Sravnitel'nyy slovar' turetsko-tatarskikh narechiy* [Comparative Dictionary of the Turkish-Tatar Dialects] Vol. 1. St. Petersburg., 1869. 810 p.
3. Golubinskiy E.E. *Istoriya russkoy tserkvi. Vol. 2* [History of the Russian Church] *Period vtoroy, moskovskiy ot nashestviya mongolov do mitr. Makariya vkluyuchitel'no. Pervaya pol. toma* [Second or Moscow Period: from the Mongol Invasion to Metropolitan Macarius included] Moskow, 1904. Reprint. Moscow, 1997. 919 p.
4. Drevnie akty Konstantinopol'skogo patriarkhata, odnosyashchiesya k Novorossiyskomu krayu [Ancient Acts of the Constantinople Patriarchate related to the Region of Novorossiysk] *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities] Vol. 6. Odessa, 1867, pp. 445-447.
5. Zevakin E.S., Penchko N.A. Ocherki po istorii genuezskikh koloniy na Zapadnom Kavkaze v XIII i XV vv. [Essays on History of the Genoese Colonies in the Western Caucasus in the 13th-15th centuries] *Istoricheskie zapiski* [Historical Records]. Moscow, 1938, no. 3. pp. 72-138.
6. Kartashov A.V. *Ocherki po istorii russkoy tserkvi* [Essays on History of the Russian Church]. Vol. 1. Moscow, 1991. 764 p.
7. Kloss B.M. *Nikonovskiy svod i russkie letopisi XI–VI vv.* [The Nikon Vault and Russian Chronicles of the 16th–17th centuries] Moscow, Nauka Publ., 1980. 312 p.
8. Kochin G.E. *Materialy dlya terminologicheskogo slovarya drevney Rossii* [Materials for the Terminological Dictionary of Ancient Russia]. Moscow, Leningrad, 1937. 487 p.
9. Murav'eva L.L. *Letopisanie Severo-Vostochnoy Rusi v XIII–XV vv.* [Chronicle Writing of the North-Eastern Russia in the 13th-15th centuries]. Moscow, 1983. 296 p.
10. Murav'eva L.L. Ob «izbytk» izvestiy Nikonovskoy letopisi (konets XIII – nachalo XV v.) [On the "Redundant" Report of the Nikon Chronicle (end of the 13th - early 15th century)]. *Drevno-sti slavyan i Rusi*. [Antiquities of the Slavs and Russia]. Moscow, 1988, pp. 140-147.
11. *Opisi tsarskogo arkhiva XVI v. i arkhiva Posol'skogo prikaza 1614 g.* [Inventory of the Imperial Archive of the 16th century and of the Ambassadorial Office Archive of 1614]. Moscow, 1960. 151 p.
12. *Pamyatniki russkogo prava.* [Monuments of the Russian Law] Is. 3. Moscow, 1955. 528 p.
13. Patkanov K.P. *Istoriya mongolov po armyanskim istochnikam.* [History of the Mongols by Armenian Sources]. Is. 1. St. Petersburg, 1873. 260 p.
14. Pigulevskaya N.V. *Istoriya mar Yaballakhi III i rabban Saumy* [The History of Mar Yahballaha III and Rabban Sauma]. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1958. 162 p.
15. Priselkov M.D. *Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv* [History of Russian Chronicle Writing of the 11th-15th centuries]. St. Petersburg, 1996. 326 p.
16. Priselkov M.D. *Troitskaya letopis'. Rekonstruktsiya teksta* [Troitskaya Chronicle. Reconstruction of the text]. St. Petersburg, 2002. 514 p.
17. Priselkov M.D. *Khanskie yarlyki russkim mitropolitam* [Khans' Yarlyks to the Russian Metropolitans]. Petersburg, 1916. 124 p.
18. Prokhorov G.M. *Povest' o Mityae. Rus' i Vizantiya v epokhu Kulikovskoy bitvy* [The Tale of Mityai. Rus and Byzantium in the Era of the Battle of Kulikovo]. Leningrad, 1978. 238 p.
19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* Vol. 10. *Patriarsh'ya ili Nikonovskaya letopis'* [The Patriarchal or Nikon Chronicle]. Moscow, 1965. 248 p.
20. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* Vol. 18. *Simeonovskaya letopis'* [The Simeon Chronicle]. St. Petersburg, 1913. 320 p.
21. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* Vol. 25. *Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV v* [The Moscow Chronicles of the end of the 15th century]. Moscow, Leningrad, 1949. 464 p.
22. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* Vol. 30. *Vladimirskiy letopisets* [The Vladimir Chronicle]. Moscow, 1965. 240 p.
23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey.* Vol. 7. *Letopis' po Voskresenskomu spisku* [The Chronicle

according to the Voskresensky Manuscript]. Moscow, 2001. 345 p.

24. *Puteshestviya v Vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Journeys to the Eastern Countries of Plano Karpini and Rubruck]. Moscow, 1957. 270 p.

25. Russkaya istoricheskaya biblioteka (RIB). Vol. 6. *Pamyatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava* [Monument of the Ancient Russian Canon Law]. Part. 1. St. Petersburg, 1908. 1316 p.

26. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* Is. 4. (G-D) [Dictionary of Russian Language of the 11th–17th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 403 p.

27. Sokolov P.P. Podlozhnyy yarlyk khana Uzbeka mitropolitu Petru [A Forged Yarlyk of Uzbek Khan to Metropolitan Peter]. *Russkiy istoricheskiy zhurnal* [Russian Historical Journal]. Kn. 5. 1918, pp. 70–85.

28. Sokolov P.P. *Russkiy arkhierey iz Vizantii i pravo ego naznacheniya* [Russian Bishop from Byzantium and the Right of His Appointment]. Kiev, 1913. 577 p.

29. Sochnev Yu.V. K voprosu o religioznoy prinadlezhnosti khana Uzbeka do voskhozhdeniya na Sarayskiy presto [On the Question of Uzbek Khan's Religious Affiliation before His Ascension to the Throne of Sarai]. *Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki i tvorcheskoe nasledie S.I. Arkhangel'skogo. XV chte-niya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR S.I. Arkhangel'skogo, 25-26 fevralya 2007 g* [Actual Problems of Historical Scholarship and Creative Heritage of S.I. Arkhangel'skiy. XV readings in memoriam of S.I. Arkhangel'skiy, corresponding member of USSR Academy of Sciences, 25–26 February 2007]. N. Novgorod, Nizhegorodskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet 2007.

30. Sochnev Yu.V. Pravoslavie kak faktor razvitiya religioznoy situatsii v Zolotoy Orde [Orthodoxy as a Factor in the Development of the Religious Situation in the Golden Horde]. *Textum Historiae: Issledovaniya po teoreticheskim i empiricheskim problemam Vseobshchey istorii* [Textum Historiae: Studies in Theoretical and Empirical Issues of the General History]. Is. 3. N. Novgorod, Nizhegorodskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2008, pp. 169–178.

31. Sochnev Yu.V. Svedeniya aktov Konstantinopol'skogo patriarkhata o khristianskom (pravoslavnom) naselenii na Donu v ser. XIV v. (russkiy) [Information about Christian (Orthodox) Population on the Don in the middle of the 14th century contained in the Acts of of the Constantinople Patriarchate]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordya», posvyashchennoy pamyati M.A. Usmanova g. Kazan', 29-30 marta 2011 g* [The Golden Horde Legacy. Proceedings of the Second International Conference "The Political and Socio-Economic History of the Golden Horde", in memory of M.A. Usmanov]. Kazan, 2011, pp. 175–180.

32. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordya* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. I: Excerpts from the Arab Writings] St. Petersburg, 1884. 584 p.

33. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordya* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History. Vol. II: Excerpts from the Persian Writings] Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 308 p.

34. Ustav dlya genuezskikh koloniy v Chernom more, izdannyy v Genue v 1449 g [Statutes for the Genoese Colonies in the Black Sea issued in Genoa in 1449]. *Zapiski Odesskogo obshche-stva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. 5. Odessa, 1863, pp. 795–843.

35. Fedorov-Davydov G.A. *Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordya* [The Social System of the Golden Horde]. Moscow, Moscow State University Publ., 1973. 180 p.

36. Shakhmatov A.A. *O tak nazyvaemoy Rostovskoy letopisi* [On the so-called Rostov Chronicle]. Moscow, Society of history and antiquities Russian at the Moscow university, 1904. 171 p.

About the author: Yury Vyacheslavovich Sochnev – Nizhny Novgorod, Russia, the Nizhny Novgorod branch of Higher School of Economics National Research University (NIU VShE – Nizhny Novgorod) – chair of the theory and right and state history, the Associate Professor, *Ph.D.*, scientific subject: history of the Golden Horde, Kandidat nauk (scientific degree) in historical studies, history of the Russian church, problems of medieval history of Russia (Nizhny Novgorod, Russian Federation); sochnevjobmail@yandex.ru